ВИКТОР

ИСКУССТВО ИСЧЕЗАТЬ

АЛЕХАНДРО БЕЛ

18+

Алехандро Бел

Виктор: искусство исчезать

«Автор»
2026

Бел А.

Виктор: искусство исчезать / А. Бел — «Автор», 2026

С детства Виктор Вольф привык разбирать сломанные вещи, чтобы понять, где сбой и как всё устроено на самом деле. Но взрослая жизнь оказывается устроена сложнее часового механизма — здесь нельзя просто найти одну неисправную деталь и всё исправить.

© Бел А., 2026
© Автор, 2026

Виктор: искусство исчезать

ВЫПУСКНОЙ

Литературная вселенная

Книга первая

Тем, кто остался за кадром.

Автор: Алехандро Бел

Художественный роман. События: 1979–1998 годы.

«Можно исчезнуть из чужой жизни.
Но нельзя исчезнуть из последствий собственных решений».

ГЛАВА 1

Четыре минуты

1979

Часы на кухне показывали без двадцати семь, хотя за окном уже давно стемнело. Дождь начался ещё до обеда и с тех пор не прекращался: то почти затихал, превращаясь в тонкий шорох по подоконнику, то снова принимался стучать по стеклу с такой настойчивостью, словно требовал, чтобы ему открыли.

Восьмилетний Виктор Вольф дождь любил. Он делал квартиру тише. Когда на улице было сухо, в открытое окно доносились голоса соседей, шум машин и глухие удары мяча о стену соседнего дома. В дождь весь этот мир отступал, и оставались только квартира, настольная лампа и вещи, с которыми можно было разобраться.

Сегодня такой вещью оказался будильник.

Он лежал перед Виктором на кухонном столе, окружённый винтиками, металлической крышкой и двумя шестерёнками, которые мальчик выложил ровно, как детали игры, правила которой придумал сам. Корпус был тяжёлым, с потускневшими ножками. Обычно будильник стоял у отца на тумбочке и каждое утро будил его прежде, чем успевала зазвонить заводная пружина. Теперь он лежал разобранный, и стрелки его не двигались.

Отец сидел у окна с газетой. Он уже несколько раз перевернул страницу, но Виктор подозревал, что читает одно и то же: взгляд отца то и дело задерживался на столе. Из комнаты доносилось пианино. Мать разучивала несколько тактов, останавливалась и начинала снова. В одном месте она неизменно ошибалась; Виктор успел запомнить, где именно.

— Ты опять разобрал то, что работало? — спросил отец, не опуская газеты.

— Оно отставало на четыре минуты.

— Теперь вообще стоит.

Виктор приподнял шестерёнку двумя пальцами, убедился, что она не перевёрнута, и положил обратно.

— Зато я знаю почему.

Отец сложил газету пополам.

— И почему?

— Там одна деталь цепляется за другую не так, как должна. Сначала кажется, что всё нормально, а потом она каждый раз чуть-чуть тормозит.

— Значит, нужно было отнести его в мастерскую.

— Но тогда бы я не узнал.

— Зато завтра мы бы проснулись вовремя.

Виктор пожал плечами. Четыре минуты представлялись ему достаточным основанием для расследования и совершенно недостаточным — для тревоги. Если часы показывают непра-

вильное время, рассуждал он, то неправильным становится всё, что люди с их помощью измеряют. Отец, конечно, мог поставить будильник на четыре минуты раньше. Но почему все должны подстраиваться под вещь, если вещь можно исправить?

Мать прекратила играть. Послышалось, как она отодвинула табурет, затем вошла на кухню, на ходу поправляя рукав домашнего платья.

— А уроки?

— Сделал. И задание по математике на завтра.

— На завтра тоже? — спросила она.

— Там было несложно.

Отец покачал головой.

— С такой скоростью ты однажды разберёшь весь дом.

Виктор посмотрел в сторону комнаты, откуда несколько секунд назад доносилась музыка.

— Не весь. Пианино я не трону. Там слишком много деталей.

— И правильно, — сказала мать. — Не всякая загадка обязана стать твоей.

Она произнесла это без упрёка. Просто поставила на стол тарелку с нарезанным хлебом и подошла к плите. Отец развернул газету, но читать не стал.

Виктор снова склонился над механизмом.

Ему не понравились слова матери. Не потому, что она запрещала разбирать пианино; к инструменту он действительно не собирался прикасаться. Не понравилась сама мысль, что существует загадка, рядом с которой можно пройти и не попытаться узнать ответ. Как её тогда оставить? Каким образом решить, что именно это — не твоё дело?

Из комнаты донёсся короткий скрип: мать забыла закрыть крышку пианино. Виктор представил, как под ней лежат десятки клавиш, каждая связана с другой частью механизма, и ни одна не движется просто так. Ему захотелось хотя бы заглянуть внутрь. Но мать сказала, что не нужно. На этот раз он послушался.

Отец подвинул к нему небольшой лист бумаги.

— Нарисуй, что куда ставится, прежде чем совсем забудешь.

— Я не забуду.

— Мне в твоём возрасте тоже так казалось.

Виктор посмотрел на лист. Отец не собирался отбирать будильник и не звал мастера. Просто предлагал сделать работу аккуратнее. Это оказалось куда интереснее запрета.

Мальчик взял карандаш и принялся чертить устройство часов: круг, стрелки, несколько зубчатых колёс. Первую попытку перечеркнул — шестерёнка была слишком большой. На втором рисунке всё уместилось. Отец наблюдал молча.

— Вот теперь похоже на дело, — сказал он наконец.

— Ты же говорил, что это плохо.

— Я говорил, что теперь нам нечем будет просыпаться.

— Можно поставить другие часы.

— Можно. Но это не значит, что нужно ломать первые.

Виктор задумался. Ему казалось, что взрослые часто противоречат себе. Одну и ту же вещь они могли назвать и любопытством, и упрямством. Всё зависело от того, кто смотрел и успел ли он рассердиться. Сам будильник от этого не менялся.

Когда ужин был готов, отец попросил убрать детали со стола. Виктор осторожно сложил их в крышку от коробки и перенёс на подоконник. Мать поставила перед ним тарелку. За стеклом отражались три человека, сидевшие на маленькой кухне, а дальше, в темноте, почти ничего не было видно.

За едой говорили о простых вещах. О том, что снова протекла крыша в подъезде. О школьном задании, которое Виктор сделал раньше срока. О том, что сосед обещал вернуть

книгу и уже вторую неделю обещания не выполняет. Отец рассказывал историю так, что мать смеялась, хотя Виктор подозревал: она слышит её не впервые.

Ничего особенного не происходило. Никто не кричал. Никто не угрожал уйти. Не было тайных разговоров, за которыми мальчику приходилось бы подслушивать из коридора. Его родители были обычными людьми, и жизнь в этой квартире не содержала ни большой трагедии, ни загадки, требовавшей немедленного разгадать себя.

Много лет спустя Виктор почти не помнил, что было на ужин в тот дождливый вечер. Зато легко мог бы восстановить расположение шестерёнок и звук материнского пианино: несколько осторожных нот, остановка и снова попытка. Самое обычное воспоминание, которому он долго не находил цены.

После ужина мать вернулась к инструменту. Отец взял газету, а Виктор — коробку с разобранным будильником. До сна оставалось немного времени. Он не успел собрать часы, но обнаружил, что одно из колёс вращается свободнее, если слегка изменить положение металлической пластины. Проверил ещё раз. Потом ещё.

Он хотел позвать отца и показать результат, но тот задремал в кресле, так и не дочитав статью. Виктор передумал. У него было время до утра.

Снова зазвучало пианино. Мать дошла до трудного места, не ошиблась и сыграла несколько тактов дальше.

Виктор поднял голову.

Когда музыка закончилась, он посмотрел на свой рисунок. Ровно семь линий соединяли нарисованные детали. Если убрать одну, остальные всё равно оставались на бумаге. Но механизм уже не работал бы как прежде.

Он не стал думать об этом дальше. Пока для него всё было просто: если часы отставали, следовало понять почему. Если кто-нибудь ошибался, можно было указать ему на ошибку. Если вещь не работала, её можно было разобрать.

С людьми, как ему ещё предстояло узнать, всё было устроено гораздо сложнее.

1985

Школьный двор пах мокрой землёй и нагретым резиновым мячом. Весна уже успела сделать асфальт светлее, но за оградой всё ещё лежали узкие полосы грязного снега, не желавшего уступать место траве. После уроков сюда выходили те, кому не хотелось сразу возвращаться домой. Одни играли, другие спорили, третьи просто стояли у стены, наблюдая за первыми двумя.

Виктор предпочитал играть.

К четырнадцати годам он заметно вытянулся и двигался уверенно, будто тело заранее знало, куда направится мяч. Он не был самым шумным среди друзей — это место никому не пришло бы в голову отнимать у Карла, — но на площадке его слушались охотнее, чем на переменах. Виктор редко просил передать ему мяч дважды.

— Справа! — крикнул Педро.

Виктор перехватил передачу прежде, чем она дошла до адресата. Развернулся, отдал мяч обратно и на секунду позволил себе удовольствие от точно рассчитанного движения.

За забором стоял Колин Блэк.

Он держал раскрытый учебник и, судя по выражению лица, пытался дочитать один и тот же абзац. Иногда его взгляд поднимался к площадке. В отличие от остальных, Колин редко навязывался в игру, но и не уходил домой сразу. Он оставался рядом, как будто ожидал приглашения, которое всё время запаздывало.

Карл заметил его первым.

Виктор увидел, как крупная фигура Карла отделилась от группы и двинулась к ограде. Достаточно было одного взгляда на его походку, чтобы понять: он ищет развлечение. Карл

любил минуты, когда вокруг собирались зрители. Без них даже собственные шутки не доставляли ему удовольствия.

— Блэк, ты на тренировку принёс энциклопедию? — спросил Карл, выхватывая портфель из-под руки Колина. — Вдруг мяч спросит тебя о столице?

Смех возник не сразу. Педро хмыкнул; кто-то ещё улыбнулся. Колин сжал учебник так, что страницы выгнулись у корешка.

— Верни портфель.

— Карл, ты хотя бы умеешь читать то, что забрал? — заметил Педро.

— Я умею не носить это с собой.

Карл поднял портфель выше, словно показывал трофей. Виктор стоял достаточно близко, чтобы вмешаться, но продолжал следить за мячом, который катился к краю площадки. Возле забора остановились Натали и Сьюзан. Бен неуверенно улыбался — такой улыбкой люди иногда пытаются показать, что они в компании, хотя им совсем не нравится происходящее. Эрик, бледный до почти белых ресниц, наблюдал чуть поодаль с обычным для него вниманием к чужим нелепостям.

— Отдай ему, — сказала Натали. — Уже не смешно.

— Смешно было в первые три раза, — отозвался Эрик. — Теперь просто повтор.

Карл обернулся к Виктору. В глазах у него появился знакомый блеск: он придумал способ втянуть в представление ещё одного человека.

— Волк, пас!

Портфель полетел через площадку.

Виктор поймал его почти машинально, так же, как минуту назад ловил мяч. За этот миг он успел представить, что можно сделать дальше. Отбросить Карлу — и тот продолжит игру. Положить на землю — Карл решит, будто Виктор испортил шутку. Передать Колину — представление закончится.

Колин смотрел на него, не двигаясь.

Виктор заметил не страх. Скорее усилие, с которым Колин пытался его спрятать. На щеках выступил румянец; губы были сжаты. Пальцы всё ещё держали раскрытую книгу, хотя читать сейчас было невозможно.

— Ладно, кончили представление, — сказал Виктор.

Он подошёл и протянул портфель Колину.

Тот взял его обеими руками, проверил ремешок и тихо ответил:

— Спасибо.

Виктору стало неловко. Не оттого, что Карл отобрал чужую вещь. Неловкость вызвала сама благодарность: Колин произнёс её так искренне, будто возвращение собственного портфеля было настоящей услугой.

— Не надо всё воспринимать так серьёзно, — сказал Виктор.

Колин посмотрел на него.

— Я и не воспринимаю.

Но лицо его говорило другое.

Он закрыл учебник, сунул его в портфель и пошёл вдоль ограды к школьному корпусу. Никто не остановил его. Карл уже требовал вернуть мяч. Педро спорил, был ли пас удачным. Натали смотрела вслед Колину, сердито поджав губы.

Сьюзан оказалась рядом с Виктором.

— Иногда это серьёзно, даже когда вам смешно, — сказала она.

Виктор пожал плечами.

— Я же вернул ему портфель.

— Я видела.

— Что ещё я должен был сделать?

Сьюзан не ответила сразу. Она посмотрела туда, где только что исчез Колин.

— Может быть, ничего. Но ты мог хотя бы не говорить ему, как он должен себя чувствовать.

Виктор почувствовал раздражение. Ему казалось, что разговор строится совершенно неправильно. Он ведь не отбирал портфель. Напротив, остановил Карла. Почему же теперь виноватым оказался он?

— Если бы я не поймал, он бы вообще в грязь упал, — сказал Виктор.

— Да, — согласилась Сьюзан. — Повезло.

Она вернулась к Натали, оставив его с ответом, в котором не было ничего утешительного.

Через несколько минут игра возобновилась. Педро сделал неудачную передачу, Карл громко обвинил остальных в том, что никто не умеет играть, и двор снова заполнился выкриками. Виктор бегал, отбивал мяч и старался не думать о случившемся.

У него это почти получилось.

Позже, когда площадка опустела, Виктор заметил у ограды тонкую полоску бумаги. Это была вырванная закладка из школьного учебника. Он поднял её и увидел аккуратно написанное имя Колина. Видимо, закладка выскользнула, когда тот торопливо убирал книгу.

Виктор сложил бумажку и положил в карман. Завтра можно будет вернуть. В этом не было ничего сложного.

Но на следующий день он забыл о ней. А через неделю, найдя измятый клочок среди мелочи, выбросил вместе с другими ненужными бумажками.

Такие вещи быстро забываются теми, кто смотрит со стороны.

Для Колина же тот день был не единственным: он складывался с другими днями, такими же обыденными и унизительными, пока из них не получалось нечто гораздо большее, чем одна чужая шутка.

Виктор тогда этого не понимал.

Ему было четырнадцать, он умел хорошо играть в мяч, быстро замечал ошибки в сложных механизмах и считал, что исправил случившееся, потому что вовремя вернул портфель.

Он ещё не знал, что иногда достаточно промолчать не в тот момент — и чужая обида остаётся с человеком на всю жизнь.

В следующие годы Виктор научился замечать, как мало требуется усилий, чтобы оказаться на стороне тех, кто смеётся. Иногда это был один взгляд, иногда короткая реплика, иногда молчание в нужный момент. Карл не всегда начинал с грубости. Он мог рассказать историю, удачно спародировать учителя или придумать прозвище, которое сначала казалось всем смешным. И лишь потом выяснялось, что шутку продолжают повторять уже без причины, потому что так принято в компании.

Во время одной школьной спортивной недели Виктор участвовал сразу в нескольких соревнованиях. Он был высоким, сильным, привык к тренировкам и любил ощущение, что тело выполняет всё, чего от него ждут. Карл постоянно громко комментировал его результаты, словно сам имел к ним отношение. Педро спорил с судьями о времени, Натали записывала результаты, Сьюзан помогала раздавать воду. Бен держался в стороне, а Эрик следил за происходящим со сдержанным любопытством. Колин принёс блокнот и несколько раз предложил помощь в подсчётах.

— Мы и сами умеем считать, Блэк, — сказал Карл.

— Я просто хотел помочь.

— Тогда помоги не мешать.

Виктор слышал разговор, но был занят подготовкой к следующему забегу. Ему хотелось сосредоточиться, и чужая неловкость казалась неуместной помехой. Он мог бы сказать Карлу перестать. Мог попросить Колина записывать результаты. Не сделал ни того ни другого. Через минуту начался старт, и весь разговор исчез из его головы.

После соревнований Сьюзан подошла к нему с бутылкой воды.

— Ты заметил, что Карл опять прогнал Колина?

— Колин мог бы просто заняться своим делом.

— Он и хотел. Помочь нам.

— Сью, я сегодня бегал почти весь день. У меня нет сил разбирать, кто кому что сказал.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула и отошла. Виктор почувствовал раздражение. Ему казалось несправедливым, что после собственных усилий приходится отвечать ещё и за чужую грубость. Он не был Карлом. Не отнимал портфелей, не придумывал прозвищ, иногда даже вмешивался. Почему же Сью смотрела так, будто виноват и он?

Ответ пришёл много позже. Тогда Виктор предпочёл не думать о нём.

Вечером команда собиралась отметить результаты. Педро предложил принести что-нибудь поесть. Натали напомнила, что нужно позвать всех, кто помогал организовать соревнования. Карл начал перечислять имена и намеренно обошёл Колина. Никто не сказал ничего. Виктор тоже промолчал. Он думал о победе, которую заслужил тренировками, и не хотел портить вечер спором.

Колин узнал о встрече на следующий день. Он не спросил, почему его не пригласили. Просто кивнул и отвернулся к окну. Виктор заметил этот жест и решил, что Блэк ведёт себя слишком обидчиво. Ему не приходило в голову, что для человека, которого не приглашают снова и снова, дело давно перестало быть вопросом отдельного вечера.

Постепенно группа стала существовать по невысказанным правилам. Карл имел право говорить грубо, потому что «такой уж характер». Педро мог смеяться и тут же забывать, над чем. Эрик делал колкие замечания и прятался за спокойной интонацией. Натали иногда возмущалась, но через минуту вновь участвовала в общем разговоре. Сью пыталась не позволять шуткам заходить слишком далеко. Бен избегал открытых конфликтов. Виктор привык считать себя человеком, который держится отдельно от самых жестоких поступков, хотя нередко помогал им продолжаться собственным бездействием.

Колин оставался рядом ровно настолько, насколько позволяла компания. У него были хорошие оценки, внимательная память и привычка всегда носить книги. Он хотел принадлежать к группе, но всё чаще обнаруживал, что присутствовать и быть принятым — не одно и то же. Никто не выгонял его окончательно. Возможно, поэтому всё происходящее казалось остальным не таким уж страшным. Ему оставляли место у края стола, позволяли слышать разговор, иногда просили о помощи. А потом снова смеялись, когда он пытался участвовать на равных.

К последнему школьному году Виктор уже почти не замечал этого устройства. Оно казалось естественным, как расположение парт в классе или расписание тренировок. Поэтому вечер выпускного не стал для него внезапным нравственным испытанием. Он просто повторил привычный образ поведения в момент, когда все остальные хотели посмеяться. И не понял, что одна короткая реплика может пережить гораздо больше лет, чем любое школьное достижение.

1989

На фотографиях выпускной вечер всегда выглядит счастливее, чем запомнился тем, кто на нём присутствовал.

Перед школьным зданием установили несколько фонарей. Их свет падал на мокрую после дневного дождя дорожку, и блестящие пятна на асфальте напоминали маленькие лужицы ртути. Из распахнутых дверей доносилась музыка. Внутри кто-то спорил из-за проигрывателя, кто-то пытался найти потерянную сумочку, кто-то уже говорил так громко, будто за стенами школы его не услышат.

Виктор Вольф стоял у ступеней в праздничной одежде, чувствовал себя немного скованно и старался не поправлять воротник чаще, чем это требовалось. Мать уверяла, что он

выглядит старше своих лет. Отец, напротив, сказал, что это пройдёт, как только Виктор снова начнёт спорить с окружающими.

Школа позади него не казалась больше ни обязательным местом, ни домом. Она уже превращалась в воспоминание, хотя двери ещё не успели закрыться за выпускниками.

Восьмеро старых знакомых собрались для общей фотографии.

Педро говорил быстрее обычного, то и дело поглядывая на свои часы. Эрик, бледный и худощавый, спорил с ним о том, у кого на снимке получится более нелепое лицо. Натали поправляла прядь рыжих волос, которая никак не желала оставаться на месте. Сьюзан пыталась заставить остальных выстроиться ровнее. Бен стоял рядом и с беспокойством наблюдал за тем, как Карл занимает всё больше пространства в центре.

Карл заметно выделялся среди одноклассников ростом и тяжёлой фигурой. Он уже успел по нескольку раз обнять каждого, кого считал своим другом, и теперь вёл себя так, будто фотография принадлежала ему по праву.

Колин стоял немного сбоку с фотоаппаратом в руках.

Камеру принесли для общего снимка; она оказалась у него ненадолго, но Карл сразу заметил удобство положения. У Колина были осторожные движения человека, который привык проверять, не мешает ли он остальным. Он то поднимал фотоаппарат, то опускал, надеясь, что кто-нибудь предложит сделать снимок по очереди.

— Подвиньтесь, нас не видно, — сказала Сьюзан.

Карл шагнул в сторону, но тут же задел Колина плечом.

— Колин, возьми фотоаппарат. Ты же у нас самый умный, значит, разберёшься.

Колин посмотрел на объектив, потом на товарищей.

— Я тоже хочу быть на снимке.

Его слова прозвучали тихо, но достаточно ясно. Виктор услышал их. Услышали все.

— Тогда кто нас сфотографирует? Директор? — спросил Карл.

Он произнёс это с лёгким недоумением, будто предложение Колина нарушало очевидный порядок вещей.

Несколько человек засмеялись. Не потому, что шутка была особенно удачной; просто смеяться рядом с Карлом давно стало привычнее, чем спорить. Виктор тоже улыбнулся. Весь вечер казался наполненным похожими мелочами — колкостями, просьбами подвинуться, смехом, который возникал по инерции.

И тогда он сказал:

— Если тебя нет на фотографии, значит, тебя здесь и не было.

Он не собирался делать из этой фразы ничего важного. Она показалась ему остроумным продолжением спора: нелепое правило, которое никто не должен был принимать всерьёз.

Смех раздался снова.

Виктор увидел, как изменилась улыбка Колина. Точнее, как она исчезла. Сначала тот ещё пытался сохранить привычное выражение лица — уголки губ подняты, глаза спокойны, будто всё происходящее его не касается. Потом и это усилие пропало.

— Виктор… — негромко произнесла Натали.

В её голосе было предупреждение. Он услышал его, но не понял, чего именно от него ждут. Извиниться? Признать, что шутка не удалась? Попросить Карла перестать распоряжаться людьми? Всё это можно было сделать, но тогда пришлось бы остановить веселье, которое уже подхватили остальные.

Колин опустил взгляд.

— Ничего. Встаньте ближе.

Он поднял фотоаппарат.

Виктор встал рядом с Педро. Карл выпрямился и расправил плечи. Сьюзан попробовала ещё раз передвинуть всех так, чтобы никто не заслонял Натали. Эрик сказал что-то про слишком серьёзные лица. Бен неловко улыбнулся.

Семеро выпускников смотрели в объектив.

Колин видел каждого из них.

Самого Колина не видел никто.

— Готовы? — спросил он.

Кто-то ответил утвердительно. Щёлкнул затвор.

На одно короткое мгновение Виктор посмотрел прямо на Колина и заметил, как тот держит фотоаппарат. Руки у него не дрожали. Он действовал аккуратно, сосредоточенно, словно от качества снимка зависело нечто большее, чем память об одном школьном вечере.

Потом Виктор отвернулся.

— А теперь давайте кто-нибудь снимет Колина, — предложил Бен.

В этих словах не было вызова. Просто разумное предложение, возникшее слишком поздно.

— Плёнку беречь надо, — сказал Карл.

На этот раз смеялись не все.

Колин опустил аппарат. Никто больше не настаивал.

Внутри здания музыка стала громче. Кто-то позвал ребят обратно. Начался разговор о том, куда идти потом, кому надо успеть домой и кто обещал прийти на следующий день. Всё двигалось дальше с обычной быстротой жизни, которая редко задерживается ради чужого унижения.

Виктор не чувствовал себя жестоким человеком.

Он вовсе не хотел, чтобы Колин страдал. Если бы кто-нибудь спросил его об этом прямо, он, вероятно, искренне удивился бы. Ему казалось, что люди не должны быть настолько ранимыми, чтобы одна фраза могла испортить важный вечер.

Но важность фразы никогда не определяется только тем, кто её произнёс.

Спустя некоторое время компания разошлась по разным углам школьного двора. Педро увлёк Виктора разговором; Эрик поссорился с Карлом из-за пустяка, который оба через минуту забыли. Натали подошла к Колину и что-то сказала, но тот отрицательно покачал головой. Сьюзан взглянула на Виктора, словно собиралась заговорить, и передумала.

Ночь была тёплой. Лампы над входом притягивали насекомых. За оградой проходили чужие люди, которым не было никакого дела до школьного выпускного.

Позднее Виктор вспоминал этот вечер не как историю о Колине, а как день, когда всё казалось ещё впереди. Никто из них не знал, сколько раз судьба снова сведёт бывших одноклассников и какие преступления однажды заставят их говорить о школе совсем другими словами.

Снимок проявили не сразу.

Когда фотография появилась, на ней действительно были семеро.

Карл — в центре. Педро и Виктор рядом. Эрик, Натали, Сьюзан и Бен по сторонам.

Колина не было.

И в этом не было ни тайного знака, ни предсказания, ни особой воли случая. Просто в нужную секунду никто не протянул ему руку и не сказал: «Теперь встань с нами».

Виктор тогда ещё не умел замечать последствия таких мелочей.

Ему предстояло научиться скрываться от людей, искать тех, кто не хотел быть найденным, и принимать решения, от которых зависели чужие жизни. Но одно из самых важных событий собственной юности он запомнил как удачную шутку.

Так закончилась школа.

А фотография осталась.

ГЛАВА 2

Покойник из газет

1988

На следующий день после выпускного Виктор ещё мог проснуться с уверенностью, что жизнь начинается с чистого листа. Он не знал, что за год до этого в небольшом гостиничном номере один человек уже попытался перевернуть собственную жизнь так, будто предыдущих страниц никогда не существовало.

Даниэль Морроу собирал вещи медленно. Чужая спешка всегда представлялась ему плохим советчиком; собственная — ещё худшим. На кровати лежала аккуратно сложенная рубашка, рядом стоял чемодан с потёртыми углами. Он несколько раз пересчитал деньги в бумажнике и наконец перестал считать: от этого сумма не менялась, как не менялись люди, которые хотели его смерти.

В коридоре хлопнула дверь. За тонкой перегородкой кто-то засмеялся. Обычные гостиничные звуки неожиданно раздражали: чтобы кто-то мог провести вечер, смеясь над пустяками, когда другой человек должен разбирать письма с угрозами, казалось Даниэлю почти личным оскорблением.

Письма он разложил на столе рядом с коробкой сухариков. Бумага отличалась — дорогая, дешёвая, с короткими строчками, отпечатанными на машинке, и с неровным почерком. Содержание было удивительно однообразным. Одни требовали расплаты. Другие обещали, что ему не удастся скрыться. Третьи предлагали договориться, и в этом слове слышалась угроза хуже остальных.

Он провёл большим пальцем по краю коробки. Дешёвые сухарики, купленные на вокзале, за последние дни успели превратиться в единственную вещь, к которой он относился без подозрений. Они не задавали вопросов. Не требовали объяснений. И уж точно не уверяли, что всё можно уладить разговором.

Зазвонил телефон.

Даниэль посмотрел на аппарат так, словно тот заговорил первым, хотя прекрасно знал: звонок рано или поздно последует.

— Морроу, — произнёс он, подняв трубку.

— Нам сказали, вы готовы договориться.

— Мне такое часто говорят.

На другом конце линии некоторое время молчали. Голос принадлежал мужчине; ни возраст, ни намерения по нему было не определить. Впрочем, намерения угадывались по первым словам.

— Вас ищут слишком многие.

— Это недостаток популярности.

— Долго прятаться не получится.

Даниэль посмотрел на мутное отражение собственного лица в оконном стекле. Он давно перестал путать осторожность со страхом, но сейчас отлично понимал, что боится. Страх не делал его слабее. Он лишь не позволял солгать себе относительно положения дел.

— Тогда придётся сделать так, чтобы искать стало некого.

— Не понимаю.

— Это взаимно.

Он положил трубку.

Возможно, стоило позвонить кому-то из старых знакомых. Марте, например. Она умела слушать, не перебивая, а потом задавала единственный вопрос, которого он предпочёл бы избежать. Или Саймону, который даже смерть человека сумел бы превратить в повод обсудить бухгалтерию. Но любой разговор означал бы, что ещё один человек знает слишком много. Дани-

эль всё чаще приходил к этой мысли и всякий раз испытывал отвращение к самому себе: за годы работы он настолько привык превращать людей в угрозы и ресурсы, что уже не умел обращаться с ними иначе.

Он открыл чемодан. На дне лежала групповая фотография семи человек. Её сделали давно, когда каждый из них был достаточно молод, чтобы считать знакомства надёжнее любых договоров. На снимке Марта смеялась, чуть отвернув голову; Генрих смотрел мимо фотографа; Леонард имел вид человека, которому предложили неподходящую партию в шахматы. Даниэль припомнил, как спорили Оскар и Эдгар о какой-то безделице, которая тогда казалась важной.

Общество Семи.

Название придумали почти шутя. Они не правили миром и не владели никакой всесильной организацией. Просто знали людей, которым были нужны услуги, и людей, способных эти услуги предоставить. Даниэль слишком хорошо понимал, какой ценой иногда оплачивались подобные знакомства.

Семеро на фотографии выглядели так, будто все дороги оставались открытыми.

С годами он заметил странную вещь: чем больше денег и возможностей появлялось, тем меньше оставалось дорог, по которым хотелось идти.

Он убрал снимок в чемодан. Часть вещей оставил на столе, рядом с письмами. Не из сентиментальности — когда исчезаешь, невозможно взять с собой всё. Каждый предмет способен рассказать историю. Иногда историю ложную. Иногда слишком правдивую.

Даниэль не хотел, чтобы из-за него погибли люди, которые понятия не имели, во что ввязываются. Это не превращало его в хорошего человека; подобные соображения пришли к нему слишком поздно. Но хотя бы сейчас он мог попробовать ограничить ущерб.

Он не стал прощаться с Мартой. Не позвонил Саймону. Не оставил записок с просьбами понять и простить.

Через некоторое время в газетах появилась короткая заметка о пожаре и предполагаемой гибели Даниэля Морроу. Личность погибшего сочли установленной по найденным вещам. Достоверно опознанных останков не было, но для газетчика это различие занимало слишком много места на полосе.

Марта прочла новость не один раз. Другие знакомые тоже узнали о ней из печати.

В официальных сводках имя Морроу постепенно переместилось из настоящего времени в прошедшее.

Для Даниэля это оказалось полезнее любых новых документов. Мёртвого человека ищут иначе, чем живого. Считают, что ему уже некуда идти и нечего скрывать.

Он, однако, вовсе не покончил со своей старой жизнью. Угроза, от которой он пытался исчезнуть, не отменяла прежних обязательств и привычек. От некоторых профессий невозможно уйти одной газетной заметкой.

Лишь позже Даниэль поймёт, что есть разница между исчезновением человека и исчезновением последствий его поступков.

Пока же он просто пережил очередную ночь и впервые за много лет позволил себе не отвечать на телефонный звонок.

1988–1994

Первые месяцы Марта Вейл не звонила Даниэлю потому, что не знала куда. Потом — потому, что перестала быть уверена в собственном праве его искать.

Она держала газетную вырезку в папке с деловыми бумагами. Прежде там хранились документы, которые нужно было предъявлять кому-то другому; теперь — единственная новость, которой она не верила. Слово «предположительно» оказалось почти незаметным среди остальных строчек. Марта читала его снова и снова, словно именно от него зависело, продолжится ли жизнь человека.

Вырезка утверждала, что Даниэль погиб. Она знала, что он умел заставлять людей верить в невозможное. Иногда ей казалось, что всё объяснялось просто: он действительно умер, а она из упрямства не соглашалась принять очевидное. Но воспоминание о его последнем визите не давало покоя. Тогда он говорил слишком спокойно, избегал прямых ответов, смотрел на часы чаще обычного и шутил невпопад. Не так ведёт себя человек, который ничего не скрывает.

Марта никогда не считала себя женщиной, способной годами ждать звонка. У неё была собственная жизнь, работа, дом и муж. Человек, с которым она прежде состояла в близких отношениях, остался в прошлом. Так, во всяком случае, выглядело это со стороны.

Муж знал имя Даниэля Морроу. Слышал его когда-то, ещё до свадьбы, и однажды спросил, почему Марта продолжает хранить письма человека, о котором уже не бывает новостей. Она ответила, что некоторые письма хранят не из любви. Это была не вся правда, но и неправдой назвать ответ она не могла.

Годы постепенно упорядочивали её существование. Она научилась не вздрагивать при каждом звонке. Перестала искать знакомый силуэт среди прохожих. Иногда ей даже удавалось провести несколько недель, не открывая старую папку.

Но для тех, кто когда-то входил в Общество Семи, прошлое не исчезло вместе с Морроу.

Саймон Крейн продолжал заниматься своими делами, обсуждал счета и проценты так, будто осторожность была обычной статьёй расходов. Генрих Фогель по-прежнему умел спорить о цене любой услуги. Леонард Грей относился к старым знакомствам как к шахматным фигурам: пока фигура оставалась на доске, она могла пригодиться.

Марта всё реже встречалась с ними. Ей хотелось верить, что расстояние способно изменить то, что нельзя исправить.

Оскар Брандт и Эдгар Рот вели собственную жизнь. Они продолжали обсуждать дела, покупать бесполезные дорогие вещи и время от времени напоминать друг другу о прежних встречах. Никто из семерых не представлял, что именно старинные часы однажды окажутся между ними и человеком, который решит их убить.

Осенью 1994 года Марта получила известие о смерти Оскара.

Она узнала об этом в будний день. Чашка с чаем стояла на столе, рядом лежало письмо, которое нужно было подписать до обеда. В трубке кто-то говорил слишком быстро. Марта слушала, не перебивая, пока собеседник не повторил фамилию ещё раз.

— Брандт? — переспросила она. — Вы уверены?

Позднее она злилась на себя за этот вопрос. Как будто чужая уверенность могла изменить уже случившееся.

О смерти Эдгара она узнала из газет.

Вырезку положила рядом с первой — о пожаре 1988 года. Между ними прошло шесть лет. Сами тексты не указывали на связь, но у Марты не получилось прочитать их отдельно. Трое людей из одного круга, трое мёртвых. Если Даниэль действительно был жив, он мог оказаться следующим. Если он был мёртв, цепочка всё равно выглядела пугающе.

Ей казалось, что кто-то начал методично вычёркивать прежних знакомых. Такой вывод был удобен: когда видишь несколько смертей, легче придумать одну причину, чем признать, что мир способен быть случайным и жестоким сразу в нескольких направлениях.

Саймон пытался успокоить её. Генрих говорил, что полиция разберётся. Леонард предложил не обсуждать старые дела по телефону. Каждый давал совет в соответствии со своим характером; ни один не знал ответа.

Марта снова открыла папку с письмами Даниэля. На нескольких листах остались его короткие замечания, написанные на полях: язвительные, нетерпеливые, иногда почти нежные. Она отчётливо услышала его голос, хотя не слышала его уже много лет.

«Угроза редко выглядит так, как о ней рассказывают», — написал он однажды по совершенно другому поводу.

Она не была уверена, существовала ли эта фраза в письме на самом деле или память составила её из разных разговоров. Но смысл казался верным.

Первым сыщиком, к которому Марта обратилась, был человек, привыкший работать с имущественными спорами. Он прочитал вырезку и сказал, что дело слишком старое. Второй согласился проверить документы, но быстро вернул папку, не предложив ничего, кроме совета смириться. Третий даже не стал назначать личную встречу: человека признали погибшим, сказал он, и оснований спорить с этим не видно.

Марта не рассказывала им всего. Она не называла отношения с Даниэлем своими настоящими именами. Страх, что муж узнает о прошлом, до сих пор казался ей реальнее опасности, которую она пыталась предотвратить.

После третьего отказа она некоторое время вообще ничего не предпринимала.

Однажды вечером её муж остановился в дверях кабинета и увидел на столе старую папку.

— Ты опять о нём думаешь?

— О ком?

— Марта.

Она закрыла папку.

— Умерли ещё двое знакомых.

— И это связано с Даниэлем?

— Я не знаю.

Он не стал спорить. Порой отсутствие вопросов причиняло ей больше неудобства, чем самый строгий допрос.

Ночью Марта разложила документы заново. На этот раз не для того, чтобы вспомнить Даниэля, а чтобы понять, какие факты можно проверить. В старом деле о пожаре значились вещи, которые могли принадлежать ему. Не было надёжного опознания останков. В газетах же неопределённость постепенно исчезла.

Она решила попробовать ещё раз.

Четвёртым человеком оказался Виктор Вольф.

1994

Мастерская пахла машинным маслом, древесной пылью и старой тканью, которой накрывали вещи на ночь. На стене висели десятки часов. Ни одни не показывали одинаковое время; в этом было что-то неприятное для Оскара Брандта, привыкшего измерять день расписанием встреч и суммами договоров.

— Вы обещали вернуть их вчера, — сказал он.

Мастер не поднял головы. Перед ним лежал раскрытый корпус часов, из которого он осторожно извлекал маленькую деталь.

— Вещь старше нас обоих. Ей можно простить опоздание.

— Мне — нельзя. Меня ждут.

— И меня кто-нибудь когда-нибудь дождётся.

У мастера было спокойное лицо человека, слишком часто слышавшего чужие требования. Он не выглядел раздражённым, но Оскар заметил, с какой неторопливостью тот положил инструмент, прежде чем наконец посмотреть на клиента.

— Вы собираетесь их чинить или читать мне лекцию? — спросил Брандт.

— Чинить, если вы позволите закончить.

Оскар стиснул зубы. Он мог бы уйти, но часы были дорогими, а других специалистов ему уже рекомендовали не искать. Его привычка выбирать лучших иногда оборачивалась необходимостью терпеть тех, кто не считал клиентскую спешку законом природы.

Он взглянул на карточку заказа. На ней стояла его фамилия.

За спиной мастера находился небольшой шкафчик с другими карточками. Когда мужчина наконец повернулся к работе, из верхней ячейки он достал следующую — с именем Эдгара Рота.

Две фамилии, знакомые человеку со старых встреч, оказались рядом совершенно случайно.

Оскар этого не заметил.

Позднее следователи будут искать между погибшими общие места, знакомых и дела. Они обнаружат немало совпадений, и часть из них окажется бесполезной. Имена известных людей всегда чаще встречаются в одних и тех же списках, чем кажется человеку, который привык рассматривать собственную жизнь как уникальную.

Вскоре Оскара убили.

Незадолго до гибели Оскар Брандт переживал самый обыкновенный деловой кризис. Один партнёр задерживал платёж, другой настаивал на пересмотре условий, а собственный секретарь несколько раз напомнил о встрече, на которую он забыл ответить. Оскар привык считать подобные неприятности не событиями, а неизбежным шумом вокруг настоящей работы. Он был человеком, которому нравилось назначать сроки и почти невозможно было их соблюдать самому.

В тот день ему несколько раз звонили домой. Телефонные звонки раздражали, потому что напоминали о людях, имеющих право требовать объяснений. Оскар в конце концов снял трубку и сказал, что вернётся поздно. Собеседник пожелал ему быть осторожнее. Он засмеялся: осторожность казалась ему достоинством тех, кто не умеет вовремя принимать решения.

После разговора Оскар долго стоял у окна. Он был недоволен собой: слишком резко ответил человеку, который, возможно, просто беспокоился. Но извиняться не стал. Решил сделать это завтра. В его расписании почти для всего существовало завтра — для ответов на письма, для трудных разговоров, для примирения. Он не представлял, что это слово может вдруг перестать относиться к нему.

Поздним вечером Оскар оказался один. Он заметил фигуру человека, которого прежде видел у часовщика, но не сразу связал их встречи. В мастерской всегда бывали посторонние; лица работников редко задерживались в его памяти. Оскар умел отличать владельца фирмы от наёмного сотрудника, но не считал нужным запоминать второго, если тот не мог решить вопрос непосредственно.

— Вы ко мне? — спросил он.

Мужчина не ответил сразу. Его спокойствие показалось Оскару раздражающим. Он вспомнил разговор о часах, неуместную медлительность мастера, собственную резкость. Понадобилось усилие, чтобы вспомнить, что именно они говорили друг другу. В его памяти остался не человек, а неприятно проведённое время.

— Если вопрос о заказе, звоните в офис, — сказал Оскар. — Я не занимаюсь этим вечером.

Человек сделал шаг ближе. В его лице не было театральной ярости; выражение казалось почти пустым. Оскар вдруг почувствовал тревогу. Привычная манера распоряжаться разговором перестала работать. Ему захотелось закончить встречу, но собственная гордость мешала первым повернуться и уйти.

— Послушайте, — сказал он уже тише. — Я не понимаю, чего вы добиваетесь.

Ответ оказался коротким и неприятным. Мужчина говорил о людях, привыкших считать себя выше остальных, об унизительной интонации, с которой Оскар отдавал распоряжения. В его словах была старая, накопленная обида, но не было разумного требования. Оскар мог бы извиниться. Возможно, и хотел. Однако внезапно понял: собеседник пришёл не за извинением. Его уже не интересовало, что Оскар ответит.

Первое движение нападения застало его врасплох. Оскар попятился, пытаясь удержаться на ногах. Мир разом сузился до нескольких близких предметов, запаха мокрой ткани и чужого дыхания. Он почувствовал боль, прежде чем успел понять, откуда она. На мгновение исчезли все деловые планы, деньги, разговоры и привычная уверенность, что любую неприятность можно решить завтра. Осталось только желание выжить.

Он попытался позвать на помощь. Голос прозвучал слабее, чем ожидалось. Оскар не мог поверить, что с ним происходит нечто настолько окончательное. Это невозможно, думал он, сейчас кто-нибудь появится, незнакомец остановится, всё превратится в тяжёлое недоразумение. Но рядом никого не оказалось. Время шло необычно, будто кто-то растягивал отдельные секунды, пока остальные исчезали.

Последним ясным воспоминанием Оскара стал не нападавший, а дневной телефонный звонок. Человек на другом конце просил быть осторожнее. Оскар ответил шуткой и повесил трубку. Теперь он хотел вернуть эти несколько слов, произнести что-нибудь другое, попросить не ждать его слишком долго. Однако мысли уже не складывались в последовательность, а тело переставало слушаться.

Когда всё закончилось, в помещении остались предметы, принадлежавшие обычному вечеру. Они не изменили своего положения настолько, чтобы можно было угадать историю человека по одному взгляду. Оскар умер, не успев закончить ни деловой спор, ни последнее бытовое обещание. Его дорогие часы, тщательно восстановленные мастером, не были частью тайного ритуала. Часовщик не останавливал время по особому обряду. Он убил человека, которого ненавидел, и оставил после себя смерть, которую газеты позднее превратят в эффектную легенду.

Утром людям сообщили о случившемся. Кто-то сначала не поверил. Кто-то немедленно спросил, что это означает для незаконченных договоров. Кто-то долго не мог произнести имя вслух. Секретарь нашёл в календаре запись о завтрашней встрече и не решился зачеркнуть её. Человек, привыкший распоряжаться чужим временем, внезапно перестал обладать собственным.

Позже, когда его знакомые будут пересказывать обстоятельства, почти никто не вспомнит, что он когда-то хотел извиниться после телефонного разговора. В газетах останутся дорогие часы, странный преступник и чужие попытки объяснить смерть. Для тех, кто знал Оскара, важнее окажутся непрочитанные письма, недоговорённые слова и ощущение, что ещё вчера можно было просто позвонить.

Марта узнала о его смерти по телефону, но газетный репортёр, писавший заметку, не знал ничего о телефонном разговоре. Он видел несколько строк официального сообщения, разговаривал с человеком, согласившимся назвать себя знакомым погибшего, и спешил закончить материал раньше конкурентов.

В рассказе о преступлении оставалось слишком много пустот. Репортёр заполнил их образом, который показался ему привлекательнее фактов: дорогие старинные часы, смерть и остановившийся механизм. Случайно повреждённые часы одного свидетеля превратились в газетный знак убийцы.

К концу недели появилось слово «Часовщик».

Оно сразу прижилось. Удобное, легко запоминающееся имя освобождало читателя от необходимости различать реальные доказательства и выдуманный ритуал. Теперь достаточно было увидеть заголовок, чтобы представить человека, который останавливает часы после смерти своих жертв.

В реальности подтверждений такому ритуалу не было.

Через некоторое время погиб Эдгар Рот.

Вечером перед его смертью он ещё занимался обычными делами. На письменном столе оставил список поручений, который предполагал выполнить на следующей неделе. Посетил

знакомое место, ответил на несколько деловых вопросов, раздражённо заметил, что день закончился раньше, чем он успел всё сделать.

Потом его жизнь оборвалась.

Эдгар Рот узнал о гибели Оскара от общего знакомого. Сначала решил, что произошла ошибка: у Оскара было слишком много врагов на деловом поле, но ни один не казался человеком, способным убить. Потом увидел короткую заметку и почувствовал неприятную пустоту. Они не были близкими друзьями в обычном смысле. Спорили о деньгах, старых часах, ресторанах, о том, где кончается деловая осторожность и начинается трусость. Однако именно такие споры создавали привычку к присутствию другого человека. Эдгар не мог представить следующую встречу Общества Семи без Оскара.

Он позвонил Марте. Разговор вышел коротким. Она спрашивала, что известно, он отвечал, что почти ничего. Оба невольно вспоминали Даниэля, которого считали погибшим уже шесть лет. На мгновение Эдгар подумал, не связаны ли смерти. Но затем сам отверг предположение: слишком разные обстоятельства, слишком мало сведений. Иногда несколько трагедий происходят рядом просто потому, что мир не обязан подчиняться человеческой потребности в едином объяснении.

У Эдгара оставались собственные дела. Он попросил секретаря перенести встречу, затем сам же передумал. Ненавидел изменения расписания, особенно вызванные чужими эмоциями. Собственное горе вызывало неловкость: он не знал, сколько времени ему положено скорбеть по человеку, с которым чаще спорил, чем соглашался.

После работы он вернулся домой, снял часы и положил на стол. Механизм был исправен; мастер из реставрационной фирмы вернул вещь несколько дней назад. Эдгар провёл пальцем по корпусу и подумал о том, что Оскар, возможно, успел увидеть свой отремонтированный экземпляр. Мысль была странной и лишённой значения, но задержалась. Он не знал, что один и тот же человек уже выбрал их обоих своими жертвами. Их общая принадлежность к Обществу Семи не имела к выбору никакого отношения. Для убийцы они были клиентами мастерской, лица и голоса которых вызывали ненависть.

В день смерти Эдгар вышел из дома утомлённым. Он плохо спал, несколько раз просыпался, вспоминая Оскара. На работе старался не говорить о нём. Люди, приносившие документы, вели себя осторожнее обычного, словно каждое слово могло задеть несуществующую рану. Эдгар раздражался. Ему хотелось, чтобы все просто продолжили дела.

Вечером он снова оказался перед человеком, которого видел в мастерской. В первую секунду подумал, что тот хочет сообщить о какой-нибудь проблеме с часами. Эдгар спросил, не ошиблись ли они адресом, и попытался пройти мимо. Мужчина остановил его. В лице незнакомца Эдгар заметил выражение, которому не сумел подобрать название: не обычное раздражение, не торжество, скорее холодное презрение, давно готовое к действию.

— Если вас что-то не устроило, — сказал Эдгар, — можно было обратиться ко мне через контору.

Ответа не последовало. Потом прозвучало несколько слов о том, что люди вроде Эдгара считают остальных пустым местом. Он захотел возразить, но внезапно вспомнил, как резко говорил с мастером при последнем посещении мастерской. Разговор тогда казался ему незначительным, как неприятная задержка в расписании. Для другого человека, возможно, стал чем-то иным.

Эдгар не успел попросить объяснений. Нападение началось прежде, чем он понял, что опасность реальна. Он отступил, ударился плечом, почувствовал резкую боль и на несколько секунд потерял направление. Тело попыталось защищаться раньше, чем разум признал происходящее. Внутри поднялся страх, совершенно чуждый человеку, привыкшему решать конфликты словом или деньгами. Эдгар хотел кричать. Хотел оказаться в людном месте. Хотел вернуть несколько часов назад, когда ещё думал о завтрашних поручениях.

Он увидел собственную руку и удивился, насколько чужой она кажется в момент опасности. Всё, что прежде было привычным, распадалось на отдельные ощущения. Поверхность под пальцами. Холод. Тяжёлое дыхание. Боль, от которой мысли обрываются, едва начавшись. Эдгар не произнёс красивых последних слов. Не успел попросить прощения у людей, с которыми поссорился, и не раскрыл никакой тайны Общества Семи. Умер человек, чей день ещё недавно был заполнен мелочами, не подозревавший, что все эти мелочи останутся незавершёнными.

Когда его обнаружили, рядом не оказалось никаких специальных знаков Часовщика. Не было обряда, в котором часы останавливали бы после убийства. Газетная версия уже существовала и теперь будто ждала подтверждения. Журналисты охотно соединяли детали, которые сами по себе ничего не доказывали. На снимках в публикациях часы превращались в символ, а человек, их носивший, — в часть страшной истории. Для знакомых Эдгара это было невыносимо: они помнили его живым, раздражительным, смешным, способным задержать разговор на час, споря о пустяке. Газета оставляла от него лишь фамилию и слово «жертва».

Марта прочла сообщение дома. Несколько минут сидела, не понимая, почему вновь смотрит на ту же газету, которая когда-то сообщила ей о предполагаемой смерти Даниэля. Теперь погибли уже двое знакомых из прежнего круга. Она ещё не знала, кто именно убил их и почему. Но страх, с которым она когда-то жила рядом с письмами Морроу, вернулся почти физически. Если кто-то действительно вычёркивает старых знакомых, думала она, однажды очередь может дойти до Даниэля — если он вообще ещё жив.

Она достала его старую фотографию. На обороте стояла дата, написанная знакомым почерком. Смерть Эдгара не доказала, что исчезновение Даниэля было инсценировано. Но заставила Марту впервые за много лет перестать ждать и начать искать.

Утром никто не произнёс о нём слова «человек» так часто, как произносили слово «жертва». Для родственников и знакомых это было болезненным превращением. Ещё вчера Эдгар принимал решения, ошибался, спорил, мог раздражать и радовать. Сегодня его имя стало частью дела, газетной полосы и чужой версии событий.

Полиция изучала возможные связи, но две смерти не объясняли сами себя. Участники Общества Семи могли видеть в них направленную охоту. Люди, не знавшие о существовании общества, искали другие пересечения.

В мастерской тем временем принимали новые заказы.

Один из сотрудников ушёл. Управляющий объяснял это обычной текучкой, хотя в календаре увольнений дата впоследствии привлечёт внимание. Человеку, о котором шла речь, не нравились шутки о прозвище, придуманном прессой. Во всяком случае, именно такое объяснение он оставил при уходе.

Мастерская продолжала пахнуть маслом и полированным деревом. Часы продолжали идти, отставать, ломаться и возвращаться после ремонта владельцам.

И почти никто не обратил внимания, насколько странно совпали даты двух заказов и две смерти.

Ни Оскар, ни Эдгар не предполагали, что ценность их жизни для будущего убийцы могла сводиться к случайной обиде и равнодушию. Человек, лишивший их жизни, не знал ничего об Обществе Семи. Ему не нужно было знать.

Это особенно трудно было принять тем, кто привык считать себя участником важных событий. Иногда за трагедией действительно стоял большой заговор. Иногда — один человек, которому оказалось слишком легко решить, что чужая жизнь ничего не стоит.

К весне 1995 года газеты успели сделать из убийцы легенду.

Марта Вейл, в отличие от журналистов, искала вовсе не легенду. Её интересовал один человек, который мог уже семь лет числиться мёртвым.

ГЛАВА 3

Четвёртый человек

1995

Виктор Вольф пришёл на встречу вовремя. Марта Вейл отметила это прежде, чем успела разглядеть его лицо: пунктуальность казалась хорошим началом для человека, которому предстояло разбираться в чужих давних опозданиях.

Затем она заметила, насколько он молод.

Высокий, спортивно сложенный мужчина с короткими каштановыми волосами и холодными голубыми глазами выглядел немногим старше студента. Марта не собиралась придавать возрасту большого значения, но всё равно испытала знакомое разочарование. Первые трое показались ей слишком опытными, чтобы рисковать репутацией ради неясной истории. Четвёртый мог оказаться слишком неопытным, чтобы понять, почему за неё вообще стоит браться.

В кабинете было светло. Папку с документами Марта положила рядом с собой, словно опасалась, что, едва увидев её содержимое, новый собеседник тоже откажется.

Виктор не спешил садиться. Он попросил разрешения открыть окно на несколько сантиметров: в комнате было душно. Затем устроился напротив неё, положил блокнот на колено и только после этого заговорил.

— Вы четвёртый человек, к которому я пришла, — сказала Марта.

— И первый, кто не сказал «нет» до того, как вы сели.

Она не улыбнулась.

— Остальные считают это бессмысленным. Моего сына объявили погибшим семь лет назад.

Виктор посмотрел на фотографию, лежавшую поверх бумаг. Мужчина средних лет, уверенно державшийся перед камерой, не производил впечатления человека, которого можно легко заставить исчезнуть. Но фотография ничего не говорила о том, что произошло после щелчка затвора.

— Вы не верите документам?

— Я не верю, что он исчез без причины.

— А почему ищете сейчас?

Марта отвела взгляд к окну.

— Двое его старых знакомых мертвы. Мне страшно.

Виктор отметил, что она ответила не совсем на заданный вопрос. Он спросил, почему сейчас. Она сказала, что боится. Страх не был доказательством связи, но вполне мог объяснить человеческое решение.

— Я не обещаю найти живого человека.

— Обещайте хотя бы проверить, что произошло.

— Это я могу.

Виктор осторожно перелистнул первую страницу. За годы после школы он успел обнаружить в себе странное терпение к документам. Люди не любили вспоминать собственные слова, особенно неудобные. Бумаги были лишены такой свободы: если в них что-то исправляли, след зачастую оставался.

— Сколько вы берёте? — спросила Марта.

— Сначала выясним, что вы мне недоговариваете. Тогда договоримся о цене.

Она резко выпрямилась.

— Я пришла к вам не для того, чтобы вы меня допрашивали.

— И я не собираюсь. Но вы хотите, чтобы я проверил документы, которым не верите. Для этого нужно понять, каким сведениям можете доверять вы сами.

— Я рассказала всё необходимое.

— Вы назвали мужчину на фотографии сыном, но ни разу не рассказали о его детстве. Не упомянули, где он учился и почему вы потеряли с ним связь до пожара. Может быть, эти вещи не имеют отношения к делу. Я этого пока не знаю.

Марта почувствовала себя так, будто он неожиданно открыл дверь в комнату, которую она предусмотрительно заперла. Ей хотелось прервать разговор. Следовало бы встать, забрать папку и уйти к человеку, который умеет слушать без лишних вопросов. Но такого человека она уже искала. Трое отказались.

— Это личное, — произнесла она.

Виктор кивнул.

— Согласен. Только личное иногда оказывается самым важным.

Когда дверь за молодым человеком закрылась, Марта ещё долго сидела так, будто Виктор Вольф мог вернуться и потребовать ответа на последний вопрос. За окном постепенно гасли отражения в стёклах соседнего здания. Рабочий день закончился, но никто не приходил напоминать ей об этом. Она сама попросила секретаря не задерживаться: слишком многое теперь требовало тишины.

На столе оставалась папка. Там лежали газетные вырезки о пожаре, копии писем, старые фотографии и выписанные от руки даты. Семь лет она собирала эти вещи и ни разу не сумела расположить их так, чтобы получилась понятная история. Документы говорили, что Даниэль погиб. Память говорила, что он заранее боялся чего-то и перестал верить людям. А письма, которые она хранила вопреки здравому смыслу, не подтверждали ни того ни другого. В них он рассказывал о погоде, высмеивал неудачный ужин, спрашивал, продолжает ли она слушать музыку, которую когда-то терпеть не мог. Даниэль обладал странным даром говорить о главном, не называя его.

Марта взяла одну фотографию. Она была сделана ещё до того, как у них появилась привычка притворяться, будто они просто старые знакомые. Даниэль смотрел в сторону от объектива; Марта смеялась над чем-то, чего уже не могла вспомнить. На обороте стояла дата. Это был единственный совершенно надёжный факт, оставшийся от вечера. Даже причина её смеха исчезла из памяти, а дата сохранилась.

— Почему ты просто не сказал мне? — спросила она у фотографии.

Ответить было некому. И Марта слишком хорошо знала ответ, чтобы рассчитывать услышать его вслух. Даниэль верил, что незнание защищает людей лучше любого обещания. В 1988 году он позволил ей оплакивать человека, который был жив. Возможно, по-своему заботился о ней. Возможно, просто хотел исчезнуть без необходимости объяснять, что делает. Марта так и не решила, какое объяснение страшнее.

Она попыталась представить, что Вольф действительно найдёт его. Войдёт в комнату, где Даниэль читает газету, поставит перед ним полученные документы, задаст вопросы. А потом придёт к ней и скажет: да, ваш знакомый жив. Как она поступит? Сообщит мужу? Потребует встречи? Упрекнёт Даниэля за годы молчания? Ей хотелось всего сразу, и ни одно желание не казалось достойным взрослого человека.

Страннее всего было другое. Молодой сыщик заметил ложь почти сразу, хотя ещё не знал её содержания. Он не повышал голоса, не пытался загнать её в угол и не пообещал невозможного. Его спокойствие не успокаивало. Напротив, рядом с ним все привычные способы управлять разговором вдруг переставали работать. Марта привыкла общаться с людьми, которых можно было склонить к удобной версии событий. Виктор словно не признавал самого существования удобных версий.

На телефонном аппарате мигал индикатор пропущенного вызова. Марта не стала проверять номер. Вместо этого достала чистый лист бумаги и написала имя Даниэля. Подумала, зачеркнула, снова написала. Получилось нелепо, как упражнение школьницы, которая никак не решится начать письмо.

«Ты не обязан был оставаться, — вывела она наконец. — Но мог хотя бы позволить мне узнать, что я не хожу на могилу живого человека».

Марта перечитала фразу и почувствовала, как нарастает раздражение. Она сама не ходила на могилу. У Даниэля даже не было места, которое можно было бы назвать могилой без натяжки. Был официальный документ, газетное сообщение и найденные вещи. Она строила обвинение на образе, которого в действительности не существовало. Так действовала человеческая память: подменяла пропущенные детали тем, что лучше выражало чувство.

Она разорвала лист.

Когда зазвонил телефон, Марта вздрогнула. Это был муж. Он спрашивал, скоро ли она вернётся. В его голосе слышалось обычное нетерпение человека, которому обещали совместный ужин и в третий раз за неделю задержались на работе.

— Скоро, — ответила она.

— Ты снова занимаешься старыми бумагами?

Марта посмотрела на папку.

— Да. Осталось несколько вопросов.

— Ты всегда так говоришь.

— Знаю.

Он помолчал, потом сказал, что оставит ей ужин. Разговор закончился, и Марта ощутила стыд, в котором трудно было разобраться. Она не считала своего мужа плохим человеком. Он просто не знал половины её жизни, а другую половину она давно привыкла пересказывать так, чтобы не возникало лишних вопросов. Даниэль исчез семь лет назад, но привычка скрывать его присутствие осталась с ней.

Она сложила фотографии в конверт. На этот раз не спрятала его в нижний ящик, где документы годами лежали нетронутыми, а положила сверху на папку. Рядом оставила список тех людей, к которым Виктор мог обратиться за подтверждением дат. Не все имена представляли интерес; некоторые принадлежали людям, помнившим лишь общие обстоятельства. Но Марта решила не вычёркивать их заранее. Пусть молодой человек сам определит, какие сведения имеют значение.

Ей снова вспомнился взгляд Вольфа. На мгновение захотелось позвонить и отказаться от поручения. Ведь она не знала, что произойдёт, если Даниэль действительно окажется жив. Вдруг вслед за ним придут люди, от которых он прятался? Вдруг расследование навредит ему? А если он мёртв, не будет ли хуже получить окончательное доказательство?

Она не стала звонить. Впервые за долгие годы Марта позволила вопросу остаться без немедленного ответа. Вольф обещал не вернуть ей человека и не исправить прошлое — только проверить, что произошло. Этого было мало для надежды, но достаточно для начала.

Перед уходом Марта погасила свет и ещё раз посмотрела на тёмную папку. Она не стала называть её делом о любви или делом о смерти. Пока это были просто документы. И человек, который, возможно, сумеет прочесть их честнее неё самой.

Он не стал настаивать немедленно. Вместо этого попросил показать официальные материалы и газетные сообщения, которые Марта принесла.

Марта наблюдала за ним. Он читал не подряд. Сначала пробежал глазами заголовки, затем даты, потом возвращался к формулировкам. Там, где другой специалист подчеркнул бы слово «пожар», Виктор отметил карандашом «предположительно». Её это удивило: сама она останавливалась на той же строке каждый раз, когда открывала папку.

— Вы тоже это заметили? — спросила она.

— Написано так, будто в одном документе кто-то был осторожнее, чем в другом.

— Значит, его могли не опознать?

— Значит, нужно установить, что именно опознавали. Это не одно и то же.

Она почти хотела поблагодарить его за отсутствие обещаний.

Виктор составил список: оригинальная формулировка сводки, материалы о пожаре, перечень найденных вещей, последние подтверждённые контакты, сведения о двух погибших знакомых. Он спросил, готова ли Марта к тому, что проверка приведёт не к живому человеку, а к неприятной правде о мёртвом.

— Да, — ответила она слишком быстро.

— Не торопитесь.

— Я уже семь лет не тороплюсь, мистер Вольф.

Он впервые посмотрел ей прямо в глаза.

— Тогда договорились: я проверю факты. А вы не будете требовать от меня удобных выводов.

Когда Виктор уходил, Марта осталась сидеть. Она не чувствовала облегчения. Ей впервые за долгое время показалось, что история действительно может сдвинуться с места, и это пугало не меньше прежней неопределённости.

Виктор же спускался по лестнице, разглядывая записанные даты. Его увлекло несоответствие между тем, что человек, по словам Марты, являлся её сыном, и тем, как мало она рассказывала о его жизни.

Он не думал пока, что поиски приведут его к человеку, который изменит всё его будущее.

Ему хотелось только выяснить, почему в одном деле мёртвого мужчину назвали опознанным, а в другом — всего лишь предположительно установленным.

Архивариус не любил посетителей, которые просили «всё по такому-то делу». Под словом «всё» обычно подразумевалось, что человек не знает, чего ищет, а разбираться придётся сотруднику. Виктор Вольф пришёл с записанными датами и названиями документов. Это не сделало его желанным гостем, но заметно сократило время взаимного раздражения.

Кабинет находился в старом здании, где отопление исправно работало только в те месяцы, когда в нём меньше всего нуждались. На окнах висели сероватые шторы, папки стояли на полках так тесно, что некоторые корешки изогнулись от постоянного давления соседей. На столе лежала стопка заявлений. Архивариус сдвинул её, освобождая место для принесённых Виктором копий.

— Дело о пожаре восьмидесятого восьмого, — сказал мужчина. — Вам оно зачем?

— Хочу понять, как установили личность погибшего.

— В сводке указано, что установили.

— В первоначальном протоколе написано другое.

Архивариус посмотрел на него поверх очков.

— Какое?

— «Предположительно установленная личность». А в сводке — «личность подтверждена».

Мужчина взял копии и долго сопоставлял строки. Судя по тому, как быстро перемещался его взгляд, замечание показалось ему не новым, а досадно знакомым. Два документа могли быть составлены разными людьми в разное время. Между ними могли потерять осторожное слово, не придав этому никакого значения.

— Сводку делали позже, — сказал он наконец. — Формулировки упрощают.

— А останки опознавали?

Архивариус нашёл нужный лист.

— Насколько вижу, только по вещам.

— По каким именно?

— Они перечислены в приложении к этому экземпляру. Я могу показать то, что доступно по вашему запросу. Но не всё дело открыто для посторонних.

Виктор согласился. Ему не требовалось изображать всесильного следователя: документа, на который можно было сослаться, оказалось достаточно, чтобы обоснованно сомневаться в

газетной формулировке. Ничего из увиденного не доказывало, что Морроу жив. Оно лишь делало его смерть менее достоверной, чем считали люди, привыкшие не читать примечания.

Он рассматривал копии, пока архивариус отвечал на звонок. На листах были аккуратно перечислены предметы, обнаруженные после пожара. Виктор сравнивал перечень с тем, что Марта рассказывала о привычках Даниэля. Некоторые вещи могли принадлежать любому мужчине. Другие действительно напоминали о Морроу. Но ни одна не могла объяснить, почему они оказались на месте пожара именно тогда.

Он вернулся к последним контактам.

— Кто встречался с ним перед пожаром?

— По показаниям, владелец типографии. Его фамилия есть в документе.

— И адрес?

— Адрес типографии. Сейчас предприятие закрыто.

Архивариус протянул лист с уточнением.

Виктор переписал адрес и помолчал. Сначала подумал, что за семь лет от здания могло ничего не остаться. Потом — что даже закрытое предприятие оставляет следы: документы, имущество, людей, которые помнят, кому принадлежали помещения.

— Иногда закрытые двери говорят больше открытых, — произнёс он.

Архивариус поднял бровь.

— Это вы красиво придумали или правда собираетесь туда поехать?

— Пока только красиво придумал.

Мужчина усмехнулся и вернулся к своим бумагам. Виктор собрал копии, проверил, не оставил ли ручку, и вышел в коридор.

На улице ему встретились люди, которые обсуждали погоду. Прохожая сердито ругала сломанный зонт. У входа в магазин подросток спорил с продавцом о сдаче. Обычный день продолжался независимо от того, насколько неточно были составлены старые документы.

Виктор зашёл в небольшое кафе и разложил записи на свободном столике. Первым делом выписал то, что уже можно было считать установленным: пожар действительно произошёл; вещи, связывавшие его с Даниэлем, были найдены; достоверного опознания тела в показанных ему материалах не значилось. Последний подтверждённый контакт вёл к типографии.

Затем составил другую колонку — того, чего пока не знал. Кто видел самого Даниэля в день пожара? Могли ли вещи оказаться там без него? Почему Марта была настолько уверена в его выживании? И почему она называла Морроу своим сыном, когда их возрастное сходство и её слова оставляли слишком много вопросов?

Он сделал глоток остывшего кофе. Впервые дело стало похоже на настоящую задачу, а не на попытку убедить клиента в заранее выбранном ответе.

И всё же что-то оставалось неправильным.

Вопрос был не только в материалах пожара. Марта просила найти человека, но сама почти ничего не рассказала о нём. Она словно боялась не отсутствия ответов, а того, что ответы заставят её объяснить собственное прошлое.

Виктор достал записную книжку, нашёл домашний адрес, оставленный Мартой при оформлении встречи, и задумался. Вряд ли мужчина сможет помочь с пожаром. Зато он мог знать то, чего клиентка не решалась сказать.

Решение ему не понравилось. В частных поисках есть неприятный момент: иногда нужно проверить слова человека, который доверил тебе свою тревогу. Но без такой проверки расследование превращается в услугу по подтверждению чужих надежд.

Виктор убрал блокнот.

День ещё не закончился.

Дом Марты и её мужа стоял в тихом районе, где кусты у изгородей подстригали чаще, чем менялась погода. Виктор задержался перед воротами, рассматривая небольшой сад. За

окном первого этажа горел свет. Кто-то включил радио, и из приоткрытой форточки доносилась музыка, неразборчивая среди уличного шума.

Он не любил неожиданно вторгаться в чужую семейную жизнь. Впрочем, куда меньше ему нравилась мысль возвращаться к Марте с готовыми выводами, основанными на неполной истории.

Муж открыл дверь не сразу. Мужчина средних лет с усталым лицом оглядел высокого незнакомца и не предложил войти.

Виктор представился и объяснил, что уточняет сведения по старому делу.

— Сын? — переспросил хозяин. — У Марты нет детей. Никогда не было.

На несколько секунд Виктор забыл о подготовленной следующей фразе. Он предполагал, что Марта скрывает что-то личное, но не ожидал настолько прямого ответа.

— Простите, — сказал он. — Возможно, я неправильно понял.

Хозяин посмотрел на папку в его руках.

— Она опять говорит о Даниэле?

— Вы его знали?

— По имени. Он был ещё до нашей свадьбы. Марта уверяет, что он умер. А сама хранит его письма.

Виктор отметил, что мужчина не удивился самому имени Морроу. Его раздражало другое: жена возвращалась к человеку из прошлого, о котором он знал слишком мало. В голосе не было вспышки ревности — скорее усталость от давнего вопроса, который не получал ответа.

— Почему вы думаете, что она ищет его? — спросил Виктор.

— Потому что, когда кто-то умирает, обычно перестают ждать звонка.

Эта фраза прозвучала без злобы. В ней слышалось скорее желание убедить самого себя, что у ожидания есть предел.

Хозяин добавил, что у Марты всегда были знакомые, о которых она рассказывала неохотно. Иногда она получала письма, над которыми долго сидела в кабинете. Он не требовал объяснений, пока это не стало снова занимать слишком много места в их общей жизни.

— А вы уверены, что я должен сейчас всё это вам говорить? — неожиданно спросил он.

Виктор покачал головой.

— Нет. Я только задал вопрос. Вы можете не отвечать.

Мужчина задержал на нём взгляд.

— Тогда зачем вы пришли?

— Потому что ваша жена сказала мне неправду. И я хотел понять, зачем.

— Вы можете ей помочь?

— Не знаю.

Ответ, по-видимому, удовлетворил хозяина больше, чем уверенное обещание.

— Если увидите её, передайте: я не собираюсь рыться в её прошлом. Но я устал узнавать об этом прошлом от посторонних людей.

Виктор не пообещал передать слова. Он поблагодарил хозяина за разговор и ушёл.

У ворот остановился.

Марта лгала о сыне. Этого теперь нельзя было объяснить неточностью или недоразумением. Она сознательно назвала Даниэля своим ребёнком, хотя ребёнка у неё никогда не было.

Но почему?

Если она просто хотела скрыть роман, ложь выглядела неловкой: возраст мужчины на фотографии давал слишком мало оснований поверить в такое родство. Возможно, она надеялась, что молодой исследователь не станет расспрашивать. Возможно, ей было важнее не убедить Виктора, а самой произнести слово, с которым не пришлось бы объяснять прежнюю близость.

Это не меняло главного. Сведения о пожаре по-прежнему заслуживали проверки, а смерть Оскара и Эдгара оставалась реальностью. Чужая ложь не превращала все остальные документы в фикцию.

По дороге обратно Виктор думал о женщине, которая сумела прожить семь лет между двумя несовместимыми убеждениями: считать любимого человека живым и рассказывать окружающим, что он умер. Она боялась узнать правду не меньше, чем потерять надежду.

Вечером он позвонил Марте.

— Я нашёл расхождение в документах, — сказал он.

Она сразу спросила, жив ли Даниэль.

— Этого пока не знаю. Но я выяснил кое-что ещё.

Марта молчала.

— У вас нет сына.

Долгая пауза.

— Вы были у моего мужа?

— Да.

— Я не давала вам права расспрашивать его.

— Вы просили меня проверить историю, которую рассказали. Я не мог проверить её, не убедившись, что знаю, кого ищу.

— Значит, теперь вы считаете меня лгуньей?

— Вы солгали. Это не значит, что ваши опасения выдуманы.

На том конце провода послышалось тяжёлое дыхание. Виктору показалось, что женщина собирается повесить трубку. Он не стал заполнять паузу извинениями.

— Даниэль не мой сын, — сказала она наконец.

— Я понял.

— Вы не поймёте всего остального.

— Возможно. Но мне и не нужно знать всего. Мне нужно знать, почему он исчез и связан ли он с двумя смертями.

Марта тихо произнесла:

— Потому что я боюсь, что это не закончилось.

Виктор посмотрел на лист с адресом типографии.

— Я проверю ещё одно место.

— Где?

— Пока не могу сказать. Не хочу обнадёживать вас раньше времени.

— Мистер Вольф... Если вы его найдёте, не говорите ему, что я рассказала вам всё.

— Вы и не рассказали.

Он положил трубку и ещё долго смотрел на записи.

За вечер дело стало понятнее и одновременно человечнее. Виктор начинал различать за документами людей, которые не умели говорить друг с другом прямо, а потому доверяли самые важные слова чужим посредникам.

Сам он в таких разговорах тоже никогда не был особенно хорош.

Типография оказалась дальше от центра, чем Виктор рассчитывал. Ему пришлось несколько раз уточнять путь; старое название предприятия помнили не все. Последний человек, к которому он обратился, махнул в сторону пустых складов и добавил, что там давно никто не работает.

Здание действительно выглядело заброшенным.

На фасаде сохранились выцветшие буквы, часть окон была заколочена, а у стены лежали обломки строительных поддонов. Сквозь трещины в асфальте пробивалась трава. Ветер гонял вдоль ограды бумажный мусор, который цеплялся за ржавую проволоку и снова срывался с места.

Виктор остановился перед воротами.

На них висела цепь.

Он присмотрелся. Цепь была заметно новее самих ворот. Это ничего не доказывало: владельцы пустующих зданий часто меняют замки после попыток проникновения. И всё же именно эта мелочь заставила его задержаться.

За мутным стеклом одного окна мелькнул свет.

Может быть, охранник. Может быть, ремонтники. Может быть, случайный человек, забравшийся внутрь. Семь лет — слишком большой срок, чтобы считать любой огонёк подтверждением своей догадки.

Виктор обошёл участок по доступной улице и обнаружил боковой вход, возле которого земля была примята совсем недавно. Внутри слышался металлический стук, затем тишина. Он подождал, прежде чем обратиться к тому, кто находился в здании.

— Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало.

Он уже решил, что ошибся, когда из темноты послышался спокойный мужской голос:

— Вы слишком молоды для налогового инспектора.

Виктор обернулся.

Мужчина стоял возле старой печатной машины, наполовину скрытый её громоздким корпусом. Внешность за семь лет изменилась, но фотография, которую принесла Марта, позволяла узнать лицо без особых усилий. Мужчина не выглядел испуганным. Скорее раздражённым: как человек, которому помешали закончить давно начатую работу.

Виктор почувствовал неожиданное облегчение. Он представлял, что поиски могут закончиться ничем, и даже подготовился к этому. Но теперь, столкнувшись с живым человеком из старого дела, обнаружил, что следующего вопроса у него нет. Он все дни искал подтверждение, а не продумывал, что будет делать, получив его.

— А вы слишком живы для покойника, — сказал он.

Мужчина медленно улыбнулся.

— Неудачное первое впечатление. Я старался.

— Марта Вейл вас ищет.

— Теперь понимаю, почему вы не полиция. Полиция начинает с фамилии.

— Она сказала, что вы её сын.

Морроу уставился на него. Затем рассмеялся — коротко, удивлённо, без привычной язвительности.

— Боже. Мы определённо постарели, но не настолько.

— Я это уже выяснил.

— Надеюсь, не путём математических вычислений. Женщина обиделась бы.

Виктор сделал шаг ближе, стараясь держаться так, чтобы их разделяло достаточно пространства для разговора. Мужчина заметил это и, судя по выражению лица, оценил осторожность.

— Почему вы исчезли? — спросил Виктор.

— Когда угроз становится больше, чем дней в календаре, начинаешь ценить отсутствие собственного имени в списках.

— А Марте не сообщили?

— Иначе она бы не смогла честно сказать, что ничего не знает.

Виктор вспомнил, как она произнесла слово «сын». Вряд ли такая ложь помогала ей жить легче. Морроу говорил о безопасности как о единственном объяснении, но за ним явно пряталась ещё какая-то сложная, не слишком красивая история.

— Вы знали, что она вас ищет?

— Догадывался, что когда-нибудь начнёт. Не думал, что выберет вас.

— Вы обо мне ничего не знаете.

— Уже кое-что знаю. Вы пришли по старому адресу, а не по красивой газетной истории. Не назвали своего имени с порога. И не бросились задавать вопрос о награде.

— Вы не спросили, как меня зовут.

— Вот теперь спрошу.

— Виктор Вольф.

Даниэль повторил фамилию, будто пробовал её звучание.

— Вольф. Понятно. И что вам нужно, мистер Вольф?

Виктор задумался. За последние недели он не раз представлял себе найденного Морроу: усталого беглеца, человека в опасности, возможно, преступника. Ни одно из этих предположений не объясняло, почему мужчина стоит здесь с таким спокойным выражением лица, будто именно он назначил эту встречу.

— Для начала узнать, живы ли вы, — сказал Виктор.

— Уже узнали.

— Второе — почему погибли Оскар Брандт и Эдгар Рот.

Даниэль перестал улыбаться.

— Откуда вы знаете эти имена?

— Их сказала Марта. А потом я прочитал газеты.

— Газеты. — Морроу произнёс это слово с таким презрением, словно ему предложили испорченную пищу. — Там уже объяснили, что убийца останавливает часы?

— Пишут, что да.

— Разумеется.

Он отошёл от печатной машины, и Виктор впервые заметил, как осторожно тот оглядывается по сторонам. Дело было не в страхе перед молодым посетителем. Морроу привык замечать пространство вокруг, не задумываясь. Каждый его шаг выглядел естественным, но ни одного случайного движения Виктор не увидел.

— Вы приехали сюда один? — спросил Даниэль.

— Да.

— Кто знает, что вы здесь?

— Никому точного адреса не говорил.

Даниэль посмотрел на него чуть внимательнее.

— Любопытно. Кто вас этому научил?

— Никто. Просто не хотел тревожить Марту раньше времени.

Морроу некоторое время молчал. Потом медленно подошёл к небольшому столу у стены. На нём стояли чайник, две чашки и коробка сухариков.

— Значит, вы нашли человека, который официально мёртв, и теперь хотите поговорить о двух настоящих смертях, — сказал он.

— Да.

— Плохой выбор для спокойного вечера.

Он поднял крышку чайника.

— Чай будете, мистер Вольф?

Виктор посмотрел на старые печатные машины, на заколоченные окна, на человека, которого семь лет считали погибшим. Ещё утром он думал, что подходит к концу обычного поиска. Теперь чувствовал, что всё только начинается.

— Буду.

Даниэль достал вторую чашку.

— Тогда проходите. У меня, к сожалению, больше ничего нет. Кроме сухариков.

— Мне хватит.

— Это вы сейчас так говорите.

Старая типография, ещё минуту назад казавшаяся пустым зданием, понемногу наполнилась бытовыми звуками: щёлкнул выключатель, зашумел чайник, звякнула ложка о чашку.

Виктор сел за стол напротив Морроу.

Ещё утром он думал о деле, которое поручила ему Марта. Теперь ему впервые показалось, что найденный человек может задать ему больше вопросов, чем он сам успел приготовить.

Пока перед ним сидел незнакомец, которого объявили мёртвым.

И ставил на стол коробку сухариков.

ГЛАВА 4
Семеро
1995

Чай оказался крепким и слишком горячим. Виктор обжёг язык на первом глотке, но не подал виду. Даниэль Морроу заметил это и едва заметно улыбнулся. Он вообще, казалось, замечал всё, о чём собеседнику хотелось бы умолчать: задержку перед ответом, взгляд на окно, непривычно осторожное движение руки. И чем дольше Виктор сидел напротив него, тем меньше понимал, кто здесь кого разыскивал.

Типография давно перестала быть похожей на место, где выпускают газеты. Тяжёлые машины стояли под серыми чехлами, возле стены громоздились деревянные ящики, а на подоконнике высыхало старое полотенце. Даниэль обосновался между вещами, которые другим людям казались бы мусором, так основательно, будто не собирался переезжать ещё лет десять. И всё же на столе не было ничего лишнего. Чашка, блюдце, карандаш с идеально заточенным концом, картонная коробка сухариков. Уют без единого предмета, который мог бы объяснить хозяина.

— Вы уже знаете, что я жив, — сказал Даниэль. — Предполагаю, теперь намерены сообщить это всем знакомым.

— Не всем, — ответил Виктор. — Только женщине, которая меня наняла.

— А она вас наняла?

— Мы договорились о проверке сведений.

— Но не о том, чтобы превращать её жизнь в газетную сенсацию.

Виктор поставил чашку.

— Вы говорите так, будто мне доставляет удовольствие сообщать людям неприятные новости.

— Я вас пока не знаю, мистер Вольф. Это неприятное свойство знакомства — приходится предполагать худшее, пока не обнаружишь обратного.

— Тогда зачем позвали внутрь?

— Потому что вы могли начать задавать вопросы снаружи. А я не хочу, чтобы соседи слушали про мою смерть.

Виктор посмотрел на заколоченные окна.

— Здесь есть соседи?

— Разве это важно?

Даниэль отломил сухарик. Звук был неожиданно громким в пустом помещении. Виктор вспомнил, как Марта Вейл сидела напротив него в светлом кабинете и крепко держала папку, словно та могла выпасть из рук и рассыпать вокруг неё все тайны сразу. Она ждала ответа семь лет. Он уже нашёл его, но теперь впервые усомнился, что ответ принадлежит только ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.